

Она внимательно изучала свою руку: ладонь слишком узкая, пальцы нежные, а кожа гладкая. Никаких мелких шрамов или мозолей от оружия, накопившихся за десятки тысячелетий жизни, даже несмотря на сверхпрочную физиологию аса. Это была не её рука... или, по крайней мере, не рука Хелы, дочери Одина.

Она сжала пальцы в кулак и усилием воли сотворила перед собой иллюзию зеркальной плоскости, чтобы увидеть себя целиком. Перед её взором повисла в пустоте обнаженная молодая асиня на вид возрастом от пятидесяти до полутора тысяч лет. Длинные чёрные волосы свободно парили в вакууме, лучи тускнеющей звезды скользили по белой коже, очерчивая изящные изгибы её фигуры. И снова никаких старых шрамов.

Правой ладонью она задумчиво коснулась места чуть выше левой ключицы, куда давным-давно пришелся удар отравленного кинжала убийцы скрулла. Потом сдвинула руку под правую грудь — здесь должна была остаться отметина от удара особенно удачливой валькирии. Драконий зуб тогда вошел наискось вверх, пробив лёгкое и сердце, и вышел через левую лопатку. Во всех смыслах неприятный случай, но его значение сложно переоценить. В тот день пробил первый колокол Рагнарёка и девы-воительницы стали первой жертвой неизбежного. Все кроме одной. Как и было предсказано.

Сейчас на месте этих шрамов была безупречно гладкая кожа.

Она тряхнула головой и сосредоточилась на лице: большие пурпурные глаза; чуть заострённый подбородок; нос немного меньше, чем раньше; губы очерчены чётче. Черты молодой Хелы еще заметны, например, в линии высоких скул, но в остальном перед ней совсем другая асиня.

«Итак, если я больше не Хела, то кто же? — подумала она, погружаясь в глубины вновь обретенной памяти. — Хотару Томоэ, рождённая на той далёкой планете Земля? Безымянная воительница Сатурна, безвольный последний довод Лунной Империи? Нет-нет... всё не то... — Она смотрела всё дальше назад, до того, как стала просто оружием, до того, как систему Сол накрыло сладостное до рвоты Серебряное Тысячелетие. Она точно знала, что такое время было, но нашла его, только спустившись на самое дно своего существования. — Ах! Вот оно! Именно она сейчас смотрит на меня из зеркала. Самое первое воплощение. Изначальная суть. Воистину, круг — это всеобщая константа Вселенной! Подойдя к концу — окажешься в начале!»

Она открыла глаза и всем телом вдохнула энергию Вселенной, смакуя её невыразимый вкус каждой частицей своей души. Теперь она знала себя, и это знание несло с собой небывалое удовлетворение и покой. Впервые за неисчислимые эоны она чувствовала себя цельной и свободной. Ни судьба Иггдрасиля, ни проклятая серебряная побрякушка Селены больше не сковывала её.

— Я, Кали*, милостью Звёзд первая и единственная королева Сатурна и всех его спутников, Воин Безмолвия! — возвестила она и радостно засмеялась.

Затихла она только через несколько минут.

«Хорошо, повеселились, и будет, — подумала Кали. — Рагнарёк начался, и раз уж я ещё не

стёрта его жерновами, нужно убраться отсюда подальше. При удаче выгадаю пару дней или чуть больше. Может быть, перед неизбежным концом, я ещё успею развеяться»

Процесс смены цикла должен был затронуть всё в пределах пространства Мирового Древа, и неважно, какой силой обладают те, кому в этот момент не повезло оказаться в нём — перемелет всех. Насколько знала Хела, во время таких событий даже Целестиалы предпочитали держаться отсюда подальше. Ей самой, как части Древа, не помогло бы и бегство на любые расстояния, но небольшая отсрочка была в пределах возможного.

Кали раскинула на мили вокруг сеть восприятия, надеясь найти какой-то уцелевший транспорт — Бифрёстом-то уже не воспользоваться, потоки взбаламучены гибелью Асгарда, а это вам не показательная беготня за никому не нужным мечом Хеймдалля — и почти сразу насторожилась. Что-то было не так.

Она нахмурилась и проверила всё еще раз. Да, Асгард разнесло в куски, и это вызвало хаос в потоках космических энергий, из которых состоял Иггдрасиль. Но, несмотря на все признаки, на её освобождение, навязчивое стремление — пропавшее после перерождения — наполнить Асгард силой смерти и возвращение Суртура, Кали не могла найти ни единого признака того, что процесс пошел дальше. Создавалось впечатление, что Рагнарёк начал первую фазу, а затем... просто остановился. В других мирах, вероятно, даже слабенького землетрясения не произошло, хотя они точно так же, как Асгард, должны были стать просто космическим мусором.

«Это всё меняет, — подумала Кали. — Раз дела обстоят так, то нужно не бежать, а выяснить, в чём дело. Оставлять без внимания что-то странное и масштабное — непростительная глупость. Даже куда меньшие аномалии могут быть предвестниками чудовищных бед, а уж здесь...» — Она сжала зубы, вспомнив, как умело Селена прикрыла разработку своей побрякушки.

Процесс создания артефакта такой жуткой силы сложно скрыть, но королева Луны справилась, устроив потешную войну с планетой Тиамат. Отношения между Селеной и королевой Тиамат, Нехеленией, всегда были напряженными, поэтому никто и помыслить не мог о сговоре, а они, пользуясь магической канонадой, создали свой инструмент подчинения реальности — Серебряный Кристалл.

Кали скривила губы в сардонической усмешке.

А ведь они бы могли это обнаружить. Могли! Стоило только быть чуть внимательнее. Но опасность прохлопали даже меркурианцы, всегда славящиеся своими учёными, вместе с мастерами времени Плутона, и лунарийцы с тиаматийцами отпраздновали становление своего гегемона над системой Сол. Впрочем, последние радовались недолго. Селена была идеалисткой, мечтающей об утопии, а не дурой. Она не собиралась ждать удара от старой соперницы и атаковала первой, перехватив власть над кристаллом. Вот только разобраться с Нехеленией, сделав ту очередной карманной принцессой так же, как остальных, у неё не получилось. Хозяйка Тиамат знала их общую разработку от и до, поэтому смогла вывести свою вотчину из-под действия Серебряного Кристалла. Селена и Нехеления оказались в патовой ситуации, но на тот момент первая владела всей объединённой мощью планетарных сфер системы и не преминула этим воспользоваться. Тогда-то Глефа Безмолвия и опустилась на Тиамат, создав пояс астероидов между Марсом и Юпитером.

Хотя даже после этого история мира миллиона отражений не закончилась. Прежде чем подконтрольная Селене Сатурн уничтожила мятежную планету, Нехеления втянула столицу Тиамат и сопредельные территории вместе со всем населением в зеркальное измерение. Там

их было никак не достать, и они еще долгие века отравляли жизнь лунной королеве, постепенно превращаясь в чудовищ под влиянием эманаций своего нового дома, пока, в конечном итоге, Селена не нашла способ полностью отрезать их от реального мира.

Кали вздохнула, и, устало помассировав переносицу, пробормотала.

— Ну что ж, если спешить некуда, то для начала стоит одеться, пусть даже реальной пользы от этого чуть.

Кали выпустила немного силы, привычно сформировала её в одежду прямо на собственном теле, после чего взглянула во всё еще существующее зеркало.

— Ох, ну просто прелестно! Лучше бы голой осталась! — зло прошипела она, чувствуя, как её левая бровь нервно дергается.

Было от чего прийти в бешенство, ведь она оказалась обряжена в очень знакомый купальник с оборочками на плечах, фиолетовым воротничком, чёрным бантом на груди и фиолетовой же микроюбкой. На руках появились белые перчатки до локтя, а на ногах высокие сапожки.

Нелепое одеяние Сейлор Воительницы с двадцатого века Земли по тридцать первый век включительно.

— Это всё вина Венеры, я уверена, — пробормотала Кали, быстро стирая из существования этот инфантильный ужас. — Минако пробудилась первой, значит и шаблон задавала она. Точно она. Только малолетней суккубке могло прийти в голову превратить самый сложный инструментальный комплекс вот в это.

Боевые облачения планетарных хранительниц являлись стабильными конструкциями из тонких энергий, которые при воплощении предоставляли своим владелицам широчайший набор возможностей. Пользователи полноценных версий получали доступ к универсальному инструменту, с помощью которого можно было как воевать против внешних ужасов, так и создавать произведения искусства. Единственными серьёзными ограничениями были энергоснабжение и умения, для которых требовалось экзотическое сродство. Но благодаря их особым Звездным семенам** с первым у королев (или «принцесс», если говорить о времени после Лунного завоевания, хотя и в более ограниченном виде) никогда проблем не возникало. Что до последнего... то лучшим примером тут будет Иркалла***, хозяйка Плутона, в перерождении получившая имя Сецуна Мэйо. Никто и никогда не мог так легко играть с тканью времени, как она.

Когда Серебряное Тысячелетие было разрушено Миталией, переродившиеся спустя века хранительницы вновь получили доступ к этим системам, так как те были частью объединённой оборонительной системы их планетарных замков, которая пережила падение. Тем не менее, из-за недостатка знаний и несовершенства их человеческих тел, полный потенциал оборудования они не могли использовать при всём желании.

Впрочем, сейчас у Кали не было и этого, ведь теперь-то всё, что осталось с тех пор, точно разрушилось. Купальник с платьицем были просто купальником с платьицем, сотканными из энергии только из-за привычки, доставшейся ей от Хотару. Никаких дополнительных возможностей и защит они не предоставляли.

С другой стороны, чтобы изменить внешний вид этой одежды, не было нужды лезть в дебри клинописной кодировки полумагических суперкомпьютеров, которым не проводили ТО в течении нескольких десятков тысяч лет.

— Вот так-то лучше, — вздохнула Кали, разглядывая результат своих трудов.

Теперь на ней было прямое, плотно облегающее фиолетово-пурпурное платье до пят, с глубоким разрезом по левой ноге и открытой спиной. Высокий, из полупрозрачного чёрного кружева ворот закрывал шею почти до самого подбородка и подчёркивал обнажённые плечи.

«Последний штрих, и я собой довольна», — кивнула Кали своему отражению.

Она подняла руки к затылку, запустила пальцы в волосы и одним движением еще больше распустила их, одновременно проведя через руки каплю силы. Спустя мгновение волосы сами собой заплелись в толстую, длиной ниже спины, косу, закрепленную у конца белой лентой.

Удовлетворенно вздохнув, богиня осмотрелась по сторонам, пытаясь определить, где она, и в какой стороне могут находиться руины дворца. Если и начинать поиски ответов, то лучше оттуда. Часть здания построена из сверхпрочных материалов, поэтому оно должно было хоть в некоторой степени пережить случившееся. К тому же, если настоящего Рагнарёка так и не случилось, то трон Одина должен быть всё еще функционален.

Через мгновение Кали поняла, что её унесло к краю поля обломков Асгарда, на условный восток. Примерно поняв, где она, богиня полетела в направлении северо-запада, осторожно лавируя между хаотично двигающихся камней. Фундамент дворца должен был остаться на месте при любых обстоятельствах. Он привязан к пространству кое-чем покрепче обычной тверди. Асгард никогда не летал по орбите вокруг светила в полном смысле этого слова. Сама реальность двигала плоский мир по избранному пути, а тот вращался на стержневом потоке Иггдрасиля, словно монета на ребре, подставляя свету то орла, то решку, и этот поток проходил точно через центральный зал дворца.

После часового блуждания среди метеоритов Кали взлетела над особенно крупной, плавно движущейся скалой и встала на верхний край. Устремив свой взгляд вдаль, примерно в полусотне миль Богиня Смерти обнаружила лучший ориентир, на какой только могла надеяться.

В пустоте плыл, застыв в своей последней позе, чудовищный повелитель Муспельхейма, Суртур.

От этого зрелища Кали подозрительно прищурилась. Суртур был старинным врагом Асгарда. На заре этого цикла и она, в лице Хелы, и Один не раз сходились с ним в битве, так что ей было отродно видеть его смерть. Беда в том, что он не мог умереть. Даже когда они отняли у Суртура источник его силы — Вечное Пламя, навеки покончить с ним оказалось невозможно. Пророчество Норн обеспечивало его существование, что бы с ним ни делали, и после разрушение Асгарда, во время Рагнарёка, он тоже должен был оставаться в живых до тех пор, пока смена цикла не стёрла бы его из существования.

Но вот, вопреки всем пророчествам, он перед ней. Неподвижный... холодный... мёртвый.

И это не остов, оставленный позади, чтобы бросить пыль в глаза. Нет. Это был Суртур, и он был мертв, как камни Хельхейма. Как Богиня Смерти, она знала это совершенно точно.

Еще одно чёткое доказательство, что что-то пошло совершенно не так, как должно. Как будто всего прочего было мало.

Кали медленно покачала головой, затем оттолкнулась от скалы, направив себя в сторону погибшего гиганта.

Когда миру пришел конец, Суртур был рядом со дворцом. Возможно, и сейчас он неподалёку.

Суртур возвышался над ней горой, застывшей Муспельхеймской лавовой плоти, колонны его ног попирали остовы зданий, а великий меч прошивал лезвием остов дворца, проходя точно сквозь почти неразрушимые плиты пола тронного зала.

Кали остановила свой полёт неподалёку и, как могла, прислушалась к пению потоков силы Древа. Несмотря на то, что здесь всё было особенно хаотично, она быстро определила, что, как она и ожидала, трон был цел и до сих пор действует. В окружающей мешанине он чётко выделялся своей упорядоченностью, но, кроме того, её внимание привлекло кое-что еще.

Две силы, отличных от всего прочего, пульсировали прямо здесь, сверкая своей противоположной природой.

— Ларец древних зим и... Вечное Пламя?! — поражённо прошептала Кали. — Как такое возможно?!

Игрушка ётунов не так уж и важна, хотя в свете последних событий Кали была готова потратить время, чтобы найти её. Сила лишней не будет. В крайнем случае, её можно использовать как предмет торга на переговорах с ледяными великанами. Но Пламя...

«Бездна, с каждым шагом происходящее всё безумнее и безумнее, — подумала Кали, закусив нижнюю губу. — Суртур мёртв, в этом не может быть никаких сомнений, но Огонь в его груди как горел, так и горит. Пусть настолько тускло, что, если не искать, то его можно легко пропустить, но горит же! Будь я проклята, все мои знания говорят, что один без другого существовать не может, но реальности на это, похоже, глубоко плевать!»

— Безумие. Форменное безумие, — выдохнула богиня, неверяще качая головой.

Кали раздраженно встряхнулась и направила свой полёт прямо к груди Суртура. Выяснить всё можно и позже, сейчас же нужно просто забрать Пламя с собой и уже добраться до клятого трона.

Оказавшись перед местом, где огонь чувствовался чётче всего, она подняла руку, чтобы сформировать оружие и... раздраженно сплюнула. Со всеми этими новостями она и не заметила, что любимое оружие Хелы больше не работает. Уж слишком основательно её тварное оружие было привязано к Асгарду, который прежде являлся узлом для силы всех прочих миров, поэтому и разрушилось вместе с ним. Чтобы снова получить возможность мановением руки создавать клинки из мертвящей стали, придётся вплести соответствующие сейд-паттерны в пуповину, связывающую её с Хельхеймом. Или, скорее, в Звёздное семя. С пробуждением её метафизическая природа изменилась. Нужно об этом помнить.

«Ладно, оставлю это на потом, а пока...»

Кали сжала кулак и со всей силы ударила в застывшую магму. Во все стороны полетели мелкие камни, а по плоти Суртура пошли трещины. Кали ударила снова, затем еще и еще. Она продолжала бить и вырывать куски окаменелой плоти, пока не проделала себе проход в

полость — похоже, это была одна из камер сердца великана — где без всякой поддержки в воздухе горел шар Вечного Пламени размером с два кулака.

Чуть коснувшись огня, Кали убедилась в его подлинности — хотя подделать ауру этого пламени невозможно, но последнее время она слишком часто сталкивалась с невозможным, так что лучше побережься. Покончив с этим, богиня окутала пламя своей силой, после чего осторожно вырвала эту область реальности и сформировала из неё пространственный карман, привязав его к своему телу. Довольно отряхнув руки, Кали поспешила выбраться из великана, который уже начал разваливаться в щебень.

Очень скоро Ларец ётунов постигла та же судьба. Добраться до него получилось даже проще, он был впаян в стену на несколько сотен метров ниже тронного зала. Когда Суртур выбирался, то разнёс и саму сокровищницу, и большую часть того, что её окружало, но этот артефакт оказался достаточно прочным, чтобы пережить буйство великана.

Завершив мелкие дела, Кали вернулась в тронный зал, поднялась по золотым ступеням и, неспешно опустившись на трон, откинулась на спинку. Потом закрыла глаза и погрузилась в потоки космических энергий Иггдрасиля.

В один миг её сознание расширилось на все Девять Миров — она видела всё, знала всё, могла всё. Каждая душа от мельчайшей букашки, до сильнейшего разумного была в её власти. Одно её желание, и звёзды потухнут, а потом загорятся вновь. Она даже могла... могла...

Усилием воли Кали раздраженно отбросила в сторону нахлынувшую на неё эйфорию. Слишком та была навязчива, а ей сейчас нужна холодная голова на плечах. Наконец, посмотрев на всё ей доступное без этой розовой пелены мнимого всемогущества, она поняла, что её возможности на самом деле не слишком велики. Кто-то оставил в троне ловушку. Не слишком изобретательную, но тем не менее.

«Любопытно, кто это сделал. Такие игры совсем не в стиле отца», — подумала Кали, изучая доступное ей.

Что ж, Девять Миров она действительно видела. Точнее, восемь с одной пятой, учитывая нынешнее состояние Асгарда. Еще точнее, их энергетические токи в мировом древе, что, по сути, только центральный костяк — не сравнить с возможностями Одина или Хеймдаля, которому было даровано право видеть всё и всегда. Иггдрасиль раскинул далеко и широко. Не едиными девятью жило Древо Мира, далеко не едиными. В обычном пространстве основные миры находились очень далеко друг от друга, их разделяли мириады звёзд и галактик. Только путешествуя по ветвям Иггдрасиля, можно было связать между собой эти случайные точки мироздания. Но от этих точек потоки Древа расходились широкой сферой, создавая своеобразную крону, в десятки и сотни парсеков, а всё, чего касался свет Иггдрасиля, жители центральных миров считали своей территорией, сами же они присягали Асгарду. Таким образом, под гласным и негласным протекторатом царства находились сотни обитаемых миров.

Или, по крайней мере, так должно было быть.

Кали не знала всей политической ситуации нынешней эпохи, но если судить по тому

немногому, на что она обращала внимание, пока играла в «дворцовый переворот», результаты правления её отца последние тысячелетия совсем не блистали.

Об этом говорило хотя бы состояние Мидгарда, ясно видимое ей сейчас. На энергетическом плане эту ветвь Иггдрасиля, словно древоточные черви, пронизывали сотни потоков чуждых сил.

Кали раздраженно поморщилась. Похоже, после её заточения отец так и не отказался от этой глупой затеи. А ведь когда-то именно его решение относительно Мидгарда привело к её восстанию. Подумать только, объявить один из основных миров нейтральной территорией «для дипломатических отношений с иными пантеонами и великими нациями», а по факту продать его Целестиалам в качестве игрушки. Неудивительно, что сейчас родной мир её матери похож на загаженный проходной двор.

Кали рассеяно задалась вопросом: что же все-таки Один получил от этой сделки? В тот раз она этого так и не узнала, но за такую прореху в обороне Иггдрасиля цена должна была быть совсем не малой.

Впрочем, эта мысль для другого времени.

Она переключила внимание на остальные миры. Ванахейм, Альфхейм, Ётунхейм и Муспелхейм не вызывали никакого беспокойства. Свартальфхейм, как всегда, недобро посверкивал в общей связке. А вот Хельхейм сильно изменился вслед за ней самой и теперь нежно сиял ей пурпурным огнём, в любой момент готовый предоставить всю свою силу, но с учётом пробуждения её Звёздного семени в этом не было ничего удивительного. Само то, что оно появилось сейчас, иначе как чудом и не назовёшь, последствия же вполне ожидаемы. Семя неотделимо от планеты, а её планета это Хельхейм. Вполне естественно, что метаморфозы носителя влияют на небесное тело и наоборот.

Последняя мысль заставила богиню отвлечься. Возможно ли, что её Семя забросило в это чуждое мироздание после того, как Галаксия вырвала его из груди Хотару? Усаги всё-таки победила? Она, безусловно, могла справиться, Хотару в это верила, и Кали с ней соглашалась. Даже удивительно, что ни на что негодная принцесса Серенити смогла стать такой. Эта девчонка никогда не отступала, когда требовалось сделать невозможное, и, в конце концов, всегда выходила победительницей. Хотя в этом и была её главная слабость. Если Усаги выиграла, и будущее Хрустального Токио произошло...

Кали покачала головой. Теперь это точно не её проблема.

При жизни Кали и Хотару Звёздные Семена являлись источником всей жизни. Пусть только единицы из них давали силы планет, но присутствовали они в каждом живом существе, у которого была душа. Здесь же... Хела обладала очень глубокими знаниями о сути бытия, но ничего, подобного Семени, раньше не видела. И, вместе с тем, её Звёздное Семя не могло просто появиться и стать частью Хелы и Хельхейма. Оно должно было быть связано с планетой еще с момента её формирования, а значит, все прошлые воплощения Хелы тоже обладали Семенем и никак иначе. Из всего этого следовал только один вывод: все, с кем её связывала та жизнь, либо мертвы, либо настолько далеко, что это не имеет значения. Такие бездны времени, и пространства не могла бы преодолеть даже Иркалла на пике своего могущества, Плутон же, так и не вспомнившая истинную себя, не знала бы даже где начать.

Отгнав непрощенные мысли, Кали вернулась к работе.

Кроме Мидгарда беспокойство вызывал сам Асгард — что понятно — и Нидавеллир. Что-то

было не так с родиной цвергов, но разобрать, что именно, она сейчас не могла. Ну и Бифрёст разорвало в нескольких местах — небольшая беда, радужный мост восстановится сам, как только Сила Одина...

Сила Одина?

— Возьми меня Бездна, это невозможно... — выдохнула Кали, не веря собственному восприятию.

*Кали - богиня индуистского пантеона, чья суть понимается как Сила и Желание (Шакти) Бога. Благодаря ей разрушается все зло. Она - богиня-мать, источник плодородия и жизни. Но, в то же время, она - темная сторона Пракрити (природы). В ее власти - созидание и разрушение.

**Звёздные семена - источник любой жизни во вселенной Сейлормун. Производятся в Галактическом котле. Имеют две разновидности: обычные и сейлор кристаллы, связанные с небесными телами(от звёзд до достаточно крупных спутников).

***Иркалла(Ир-калла) - в шумеро-аккадской мифологии — "нижний мир", подземное царство, из которого нет возврата. Управляют Иркаллой богиня Эрешкигаль («великая подземная госпожа») и ее супруг, бог Нергал.

В этом фике используется как личное имя изначальной хозяйки Плутона, Эрешкигаль же можно считать титулом.

<http://tl.rulate.ru/book/28772/608538>